
Пролог

Он попытался было открыть глаза, но не смог. Тогда он попытался снова, и веки вроде бы шевельнулись, однако ничего не произошло. Стоило ему поднять руку, как плечо пронзила ужасная боль. Тем не менее ему удалось поднести пальцы к глазам. Открыты. Веки подняты. Ресницы дрогнули от прикосновения. «Интересно, — подумал он, — почему я ничего не вижу?» Он постарался сосредоточиться, задумался, не сон ли это, но боль в плече распространялась вверх по шее до самой макушки. Боль стала сильнее, а когда он передвинул руку, возникло ощущение, словно длинная толстая игла вонзилась прямо в мозг. Перед глазами заплескали звезды. Понять, что происходит, не получалось, но, убрав руку, он почувствовал, что боль тает, уступая место чему-то другому. Пальцы почему-то стали влажными. Он узнал густоту и запах крови, но глаза наконец-то начали привыкать к темноте, несмотря на то что царивший вокруг мрак был почти непроницаемым; ни с чем подобным он прежде не сталкивался. Сделав над собой еще одно усилие, он повернул голову, поискал взглядом источник света, хоть какой-нибудь: тоненький лучик, пробивающийся из-под окна или двери. Тщетно.

Все еще лежа на спине, он стал собираться с силами. Попытался сосредоточиться, но ничего не вспомнил. Вытянув руку, он принялся ощупывать пространство вокруг себя. Земля. Он сделал глубокий вдох. Неприятный запах заполнил ноздри: сырой, без малейшего намека на свежесть. «Я под землей. Меня похоронили заживо», — сказал он себе и поднял обе руки, пытаясь коснуться крышки гроба. Ничего. Подняв

руки вверх, насколько сумел, он нашел одну лишь пустоту. Хорошо, что здесь хотя бы есть воздух, можно дышать, несмотря на боль под ребрами. Нет, его не закопали. Чтобы убедиться в этом, он приподнялся на локте, перекатился на бок и встал на четвереньки. На большее он не осмелился. Не понимая, где находишься, без каких-либо пространственных ориентиров, тяжело было утверждать наверняка, но в целом это напоминало подвал дома. Не зная, какова его высота или где находятся стены, идти во мраке было страшно, рана могла открыться и стать еще более серьезной.

Самое главное — это привыкнуть к темноте. Думать было тяжело. Приказав себе воспользоваться другими органами чувств, он вдохнул и ощутил тот же самый резкий запах: влажная земля, затхлый воздух, сырость и еще что-то, непонятное и пугающее. Не помогло. Он наострил уши. Конечности дрожали, болели ладони, ныли колени. В ладони впились мелкие камешки. Суставы изнемогали под тяжестью тела, словно его заставили стоять на обломках ореховой скорлупы. Снова перевернувшись на спину, он прислушался. Тьма и тишина казались всепоглощающими. С улицы не доносилось ни единого звука — если поблизости была хоть какая-то улица.

Где он? Как попал сюда? Наверное, лучше всего вспомнить все по порядку, найти последнее звено в цепочке. Какое же именно?

Он был дома, собирался ложиться спать. Кровать растелена, ждет его. Жена ушла от него давным-давно, но, прежде чем задремать, он до сих пор словно бы высматривал ее. Другая сторона кровати оставалась пустой, нетронутой. В ванной был включен свет, дверь слегка приоткрыта — давняя детская привычка, оставшаяся с тех пор, когда он ужасно боялся темноты. Он всегда включал свет в ванной, каждый вечер, едва начинало темнеть. Закрывал свою маленькую плотницкую мастерскую, поднимался наверх и щелкал выключателем. Темнота давила на плечи, особенно там, в его городе, особенно с тех пор, как он снова остался один.

Он изо всех сил старался вспомнить, но в голову ничего не приходило. Может быть, он сразу уснул и его захватили враг-сплох во сне? Вряд ли. Адская боль в макушке казалась чертовски реальной. Он попытался уцепиться за другое воспоминание. Кажется, ему что-то снилось, и он проснулся из-за жуткого холода. Дрожал под пледом, а на стене спальни появилась тень — длинная искаженная тень, приближавшаяся к его голове. И этот запах... Рука коснулась его лица и сжала, словно в тисках. Что-то царапнуло щеку в нескольких местах. Пошла кровь. Что-то зажало ему нос и рот — клочок ткани, наверное, — и дышать постепенно становилось все труднее.

Чушь. Он поднес руку к щеке, чтобы понять, правда ли это. Коснувшись себя, он вздрогнул. Пальцы нащупали глубокие раны на правой щеке. Свернувшаяся кровь образовала корочку. Стало быть, это правда. Он изо всех сил попытался сосредоточиться. Если порезы начали затягиваться, значит, прошло время. Сколько же он здесь пролежал? Сколько пробыл без сознания?

Поток мыслей прервал шорох. Вроде бы очень близкий, но раздавшийся где-то за пределами того места, где он очутился. Скрип, за которым последовал другой звук, похожий на звук шагов, только какой-то странный, как если бы кто-то приволакивал ногу. И даже сам шорох хромой ноги казался странным, словно кто-то шел, слегка касаясь земли через равные промежутки времени: весьма неуверенная походка. Затем появился свет, совсем слабый. Мужчина машинально повернулся к нему. Тот был недостаточно ярким, чтобы резать привыкшие к темноте глаза. Он увидел что-то вроде окна в стене, вот только вместо стекла оно было забрано железными прутьями. Свет падал снаружи, из коридора, и постепенно разгорался ярче. А затем угас на миг. Мужчина обернулся.

Дыхание перехватило. Он чуть было не потерял сознание. Прямо возле своего лица он увидел чьи-то ноги, которые едва не касались его виска. Он невольно дернулся в сторону, и резкое движение причинило ему невыносимую боль. Напрягшись, сделав над собой усилие, он приподнялся на локте. Теперь он

видел все обнаженное тело целиком. Боже всемилостивый, да оно же гниет! Запах ошеломлял и, казалось, усиливался.

Несмотря на боль, он пополз назад и наткнулся на что-то мягкое. Нет, не на стену, потому что оно поддалось под его прикосновением. Он завел руку за спину, и кто-то схватился за нее. Он закричал, но не услышал ни звука. Снова попытался заорать, но голоса не было. Встряхнул руку, и державшая его чужая кисть безвольно упала. Еще один труп.

Свет опять переместился, и вместе с ним усилился звук. Оба нарастали. Вокруг постепенно становилось светлее. Теперь он видел все более отчетливо. Прямо перед ним лежало тело, обнаженное, желтое в сиянии дрожащей свечи. За спиной оказался другой труп. А затем он увидел тень, двигавшуюся над телами и прихрамывавшую, как те шаги снаружи. Тень остановилась у мертвеца, задержалась возле другого.

Взгляд его упал на мертвое лицо перед ним. Кровь отхлынула от щек, волосы на руках встали дыбом, сердце бешено забилося. Глаза отсутствовали. Труп, находившийся прямо перед ним, был лишен глаз. Были лишь пустые глазницы, полные бесконечной тьмы. Жуткая тень на стене продолжила свой путь.

Поднявшись на ноги, он решил защищаться, умирая от страха и чувствуя, что седеет. Он стоял, несмотря на то, что руки и ноги дрожали, несмотря на то, что на грудь навалилась тяжесть могильного камня, весившего не меньше тонны. Случиться могло все, что угодно. Нужно защищаться. Он попытался повернуться, но не успел. Страх обрушился на него со всей мощью, парализуя и спасая одновременно.

Когда сзади его схватила за шею стальная рука, он не почувствовал ничего. Рука сжалась, лишая его чувств. Ощущений не было, слишком велика оказалась сила страха. Он умирал от ужаса. Возможно, так даже лучше — умереть, подобно пойманной тигром антилопе. Адреналин избавил его от боли, ужас подарил забвение. Он ощутил легкий укол в шею, а затем — только холод, нарастающий холод. По телу словно ползли ледяные лозы, опутывая его с ног до головы. И на какое-то мгновение он ощущал только их, понимая, что ему конец.

Часть I

Это загадка, окутанная тайной, покрытая мраком
неизвестности, но, возможно, к ней есть ключ.

Уинстон Черчилль

Разум — величайшая шлюха дьявола, по природе
и сути своей пагубная; шлюха, пожираемая чесот-
кой и лепрой, которую стоило бы затоптать ногами
и уничтожить, ее и ее мудрость... Эта пакость заслу-
живает того, чтобы ее изгнали в отвратительнейшее
из мест в доме, в клозет.

Мартин Лютер, январь 1546 г.

Wer war der Thor, wer Weiser, Bettler oder Kaiser?
Ob Arm, ob Reich, im Tode gleich?¹

Надпись на могиле 322

¹ Кем был Тор, кто был мудрей — нищий или император? Будь ты богач,
бедняк — пред смертью все равны (нем.). (Здесь и далее примеч. пер.,
если не указано иное.)

Глава 1

Полиция прервала лекцию Чарльза Бейкера в отеле «Централ Парк» как раз в тот самый миг, когда церковный колокол пробил полдень. Мероприятие проходило в небольшом, стильно оформленном конференц-зале, где обычно не требовался микрофон. Все были знакомы друг с другом, взаимный интерес возрастал, и увлеченность достигла апогея, как вдруг зазвонил колокол, а дверь с грохотом ударилась о стену. Шестьдесят восемь участников конференции вздрогнули и все как один повернули головы, когда в твердыню науки ворвалась группа полицейских в форме и офицеров в кожаных пиджаках. Как правило, профессорам не приходится сталкиваться с грубым обращением со стороны правоохранительных органов, поэтому неудивительно, что присутствующие пришли в ужас при виде толпы полицейских, которые вряд ли придерживались правил этикета, служа своему обанкротившемуся государству. Стоявший на подиуме профессор Бейкер отпустил шутку по поводу вторжения остготов. Непрошенные гости упорно держались в дверном проеме, а один из них подошел к кафедре и прошептал что-то на ухо Чарльзу, который машинально прикрыл рукой микрофон.

Выслушав рассказ полицейского, Чарльз поинтересовался, сколько времени это займет.

Полицейский пожал плечами:

— Надеюсь, немного. Начальство вам все расскажет.

Вдруг осознав, что неудачно выбрал слова, полицейский остроил мину человека, надеющегося на то, что его не поймут превратно.

Утопая каблуками в поразительно мягком ковре, представитель полиции Сигишоары все стоял возле Чарльза и явно не собирался уходить отсюда без него. Естественно, Чарльз задавался вопросом, какое ему дело до того, что происходит в этом маленьком трансильванском городке. Он написал несколько книг, имевших весьма отдаленное отношение к этому месту, и сейчас присутствовал на симпозиуме по истории Средних веков, но не было никаких причин подозревать, что написанное им могло каким-то образом нарушить закон.

Он бросил взгляд на дверь, где в окружении людей в форме помещение изучала женщина с мальчишеской стрижкой. Взгляд ее остановился на плакате, возвещавшем о начале СПЕЦИАЛЬНОЙ КОНФЕРЕЦИИ: ОСНОВНОЙ ДОКЛАДЧИК ЧАРЛЬЗ БЕЙКЕР, ПРИНСТОН. Он предположил, что слава бежит впереди него и что именно поэтому полицейские пришли просить помощи в связи с неким инцидентом. Тем не менее подобная демонстрация силы была явно неуместна.

— Местные власти попросили меня поиграть в детектива. Предлагаю сделать перерыв и продолжить в четыре часа, как и предполагалось по расписанию. Мне очень хочется послушать коллег Йоханссона и Брайота из университетов Упсалы и Сорбонны. Простите меня. Долг перед второй профессией зовет.

Последние слова Чарльз произнес с некоторой долей иронии. Профессора не покидало ощущение, что сейчас он расплачивается за множество своих публикаций. Какой-то дьявол подбил его обнаружить записи о, пожалуй, самой тщательно охраняемой тайне Авраама Линкольна, а также расследовать внезапное исчезновение горба Ричарда Третьего. Он прекрасно сознавал, что именно из-за этих так называемых достижений самые разные люди стали считать его кем-то вроде Шерлока Холмса от истории культуры. Дошло до того, что он начал получать письма с предложениями раскрыть всяческие тайны за вознаграждение. Например, ему предлагали отыскать зарытые где-то сокровища ацтеков или опознать неких призраков, населявших замок в графстве